

От составителя

(Новое литературное обозрение. 2010. № 103. С. 201–204.

URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/te13.html>)

Составляя эту подборку статей, я хотел представить фигуру Александра Солженицына как художника и мыслителя, чьи тексты, монологичные в строгом парадигматическом бахтинском смысле, в более широком синтагматическом являются поливалентными. Более того, историческое значение Солженицына придает его произведениям дополнительную художественную, интеллектуальную и нравственную сложность. В конце концов, этот писатель был убежденным противником модернизма, который тем не менее входит в спектр исторически и социально определенных голосов русского и европейского модернизма; моралистом, который восхищался проблематичными с моральной точки зрения романами Владимира Набокова и Михаила Булгакова; борцом с тоталитаризмом, который при случае выражал сочувствие некоторым принципам и практикам авторитарных государств прошлого и настоящего; носителем универсального нравственного послания, чьи общественно-политические суждения были националистическими и в высшей степени спорными. Сегодня, когда Солженицына больше нет, его идеи и поэтика их текстуального преподнесения — будь то в художественной прозе или публицистике — не должны быть объектом партизанских наскоков или некритических славословий, но, напротив, подлежат строгой проблематизации в междисциплинарном контексте.

Эрих Ауэрбах отмечает, что русская реалистическая литература, достигшая полного расцвета лишь в XIX веке, «опирается на фундамент раннехристианского патриархального представления о «тварном» достоинстве каждого человека... [и] в своих основах скорее родственна раннехристианскому реализму, чем современному реализму Западной Европы»¹. Эта оценка наверняка нашла бы отклик у автора «Одного дня Ивана Денисовича». Человек решительного, воинственного нрава, Солженицын во мно-

201/202

гом был раннехристианской личностью в отмеченном Ауэрбахом смысле. В Нобелевской лекции он сформулировал свое понимание художника как «маленького подмастерья под небом Бога», создающего красоту в соответствии с нравственным требованием представить истину «сгущённо-живой»². Как художником им двигало настойчивое, неодолимое желание наставлять и учить. Сегодня создателя «В круге первом» и «Красного Колеса» нередко называют последним в ряду патриархов русской словесности, таких как Иван Тургенев, Федор Достоевский, Лев Толстой и Борис Пастернак, — творцов многостраничных, густо населенных романов, описывающих поиск личной и коллективной идентичности на фоне историко-социальных потрясений. Вместе с тем, при том что проза Солженицына следует такой же повествовательной динамике и призвана так же покорять читателя, погружая его в колдовское, галлюцинаторное состояние, ее прагматическая и информативная функция материализуется в тексте куда более открыто, хотя и не менее искусно. Кроме того, последние тома «Красного Колеса» решительно препятствуют этому волшебному сну, который Колридж называл «добровольным отказом от недоверия» к тексту, или, по крайней мере, ритмически прерывают его, превращая читателя в разборчивого, аналитически настроенного знатока исторических фактов и повествовательных нюансов: *un homme ou femme d'élite*.

Замечание Ницше по поводу Генриха Гейне: «Он обладал той божественной зло-

¹ Ауэрбах Э. Мимесис: Изображение действительности в западноевропейской литературе. М.: Прогресс, 1976. С. 512.

² Солженицын А.И. Публицистика: В 3 т. Ярославль: Верхняя Волга, 1995–1997. Т. 1. С. 8–9.

бой, без которой я не могу мыслить совершенства»³ — справедливо и в случае Солженицына. Этот автор был фигурой общенационального масштаба, но вокруг него не было общенационального согласия. Он не стеснялся прибегать к сильным выражениям. Он шел на интеллектуальный риск и вызывал ярость у своих идеологических противников. При жизни его обвиняли в «христианском авторитаризме» (Артур Шлезингер) и «реакционной нетерпимости» (Гюнтер Грасс). Энох Пауэлл, отличавшийся особой резкостью, заявлял: «Англичане не нуждаются в том, чтобы свободе их учил русский»⁴. Леона Токер, чье прочтение Солженицына проницательнее большинства других, вносит следующую коррективу в подобного рода критику: «...Хотя Солженицына часто обвиняют в назидательности, на поверку его произведения — это всегда отголоски беседы, полемики, в которой иногда гиперболизируют свои аргументы»⁵.

В самом деле, за сорок с лишним лет своего пребывания в центре общественного внимания Солженицын высказал и написал много спорных вещей — и это еще мягко сказано. Если Толстой, ревностно охранявший свою территорию, напускался на художников и героев, соответствовавших ему масштабом и гениальностью, таких как Данте, Шекспир, Вагнер, Наполеон, Солженицын критиковал или отвергал многие ценности, идеи и порядки, дорогие сердцу русских и западных элит или, что еще удивительнее, простых людей из числа его соотечественников. Чем большую известность получали его политико-культурные взгляды, тем большую по-

202/203

лемику они вызывали, даже когда его прозу широко читали к востоку от запада и к западу от востока. Краткая сводка основных пунктов, вызывающих разногласия, здесь не помещает. Что касается общих принципов, стоит упомянуть его неоднократно звучавшее мнение, что религиозная вера, христианская или иная, является единственно возможным основанием правомерной нравственной позиции; отсюда, как следствие, его скептицизм, даже враждебность к постренессансному или постпросвещенческому светскому правлению. В частности, он критиковал Соединенные Штаты и их союзников за культурную порочность и историческую трусость в их противостоянии с коммунизмом; отвергал политические системы, которые власть закона ставят выше моральной правоты; отрицал, что партии являются неотъемлемыми институтами демократического процесса; пытался реабилитировать генерала Власова и власовцев, перешедших на сторону Третьего рейха; переносил чудовищные факты Гражданской войны в России на гражданские войны в Вандее 1790-х и в Испании 1930-х; поднимал на щит средней руки идеологов прошлого (Иван Ильин) и настоящего (Игорь Шафаревич); выступал за экономическую и демографическую переориентацию России на малопригодный для жизни северо-восток; сравнивал вмешательство НАТО в войны на территории бывшей Югославии с нацистской агрессией; не принимал глобализацию; а в последние годы своей жизни поддержал национально ориентированную модель «суверенной демократии» Путина. Список можно продолжить; это лишь некоторые пункты, которые умеренный консерватор, политкорректный либерал или демократ-социалист сочли бы — по отдельности или вместе — неприемлемыми. Или даже русский националист: ведь Солженицын осуждал принятие ельцинским правительством установленных в советскую эпоху границ с Эстонией и Украиной, что, с его точки зрения, оставило исторически русские земли под иностранным владычеством, но при этом выступал за возвращение Японии Курильских островов и (недолго) за предоставление независимости непокорной Чечне.

Все перечисленные мною взгляды были озвучены Солженицыным в его публици-

³ Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 713.

⁴ Цит. по: Acherson N. Law v. Order. London Review of Books. 2004. May 20.

⁵ Toker L. Return from the Archipelago. Narratives of Gulag Survivors. Bloomington: Indiana University Press, 2000. P. 103—104.

стических работах и заявлениях СМИ. В то же время есть общее согласие в том, что он является знаковой фигурой, чье общественно-культурное значение выходит за пределы чисто политической и даже чисто литературной сферы. Один малосимпатичный критик недавно заметил, что «этот автор обладает замечательным чутьем на самое главное»⁶. И если принять, что как художник слова Солженицын благоволил своевластным, независимым героям, свободным людям — в нерусском, незападном, даже нехристианском смысле этого слова, — можно предположить, что по крайней мере некоторые из них отнюдь не разделили бы воззрения своего создателя! Что делает этих вымышленных героев еще более привлекательными и достоверными.

В действительности, как это всегда случается с большими писателями, выступающими по злободневным вопросам, проза Солженицына содержит иерархии смыслов, которые куда сложнее и разветвленнее тех, что можно обнаружить в его тенденциозных сочинениях. Взять, к примеру, трактовку власовцев в поэме «Дороженька», где они показаны жертвами роковой национальной склонности к крайним — «или — или» — решениям:

203/204

...Что ослепило вас, что знак паучий
Вы могли принять за русскую звезду?
И ещё — когда нас, русских, жизнь научит
Не бедой выклинивать беду?⁷

В конечном счете, Солженицын предпочитал, чтобы его анализировали и судили как художника, а не публициста, сколь угодно выдающегося и влиятельного. На протяжении всей своей жизни он считал себя прежде всего писателем. Почему бы нам не поймать его на слове — не важно, согласны мы или нет с отдельными аспектами его религиозных, политических и культурных взглядов. Такой подход особенно уместен и актуален в связи с тем, что в последние годы жизни и сразу после смерти наследие Солженицына по-разному подняли на щит или осудили разнообразные группы русской политической и культурной элиты, равно как и приверженцы консервативной эстетики. Я имею в виду догматичные процедуры толкования, отказывающиеся признать возможность альтернативных прочтений его текстов, и попытки свернуть культурную дискуссию.

Цель этой подборки, наоборот, в том, чтобы расширить эту дискуссию, осуществив встречу теоретических и методологических практик, которые используются сегодня на гуманитарных факультетах западных университетов, с художественными и публицистическими сочинениями Солженицына; а также предложить читателю четыре очень разных подхода к Солженицыну как культурной фигуре.

Джозеф Пирс (Университет Аве Мария, Флорида) встраивает его религиозное, антипрогрессистское мировоззрение в рамки консервативной традиции XX века, приводя в качестве примера современных — модернистских или антимодернистских — писателей и мыслителей, в основном из англо-американского мира. **Харриет Мурав** (Иллинойсский университет, Урбана-Шампейн) критически разбирает эссенциалистские и органицистские концепции национальной идентичности и государственности в труде Солженицына «Двести лет вместе» (2001–2002). **Лиза Риоко Вакамия** (Университет штата Флорида) рассматривает взаимосвязь между переменами местожительства Солженицына, вынужденными либо добровольными, и восприятием его доизгнаннических, изгнаннических и послеизгнаннических произведений. Моя собственная статья разбирает явные и скрытые счета автора с русским и европейским модернизмом.

⁶ Быков Дм. Двести лет вместо (<http://berkovich-zametki.com/Nomer24/Bykov1.htm>).

⁷ Солженицын А.И. Дороженька. М.: Вагриус, 2004. С. 88.

Ричард Темпест,
директор Русского, восточноевропейского и евразийского центра
(Иллинойский университет, Урбана-Шампейн)

Перевод с англ. Александра Скидана